

УДК 338.48 (075.8)

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК

© 2017 г. Юрий А. Веденин¹, Юрий Н. Голубчиков²,
Аркадий А. Тишков¹

¹Институт географии РАН, Москва, Россия

²Географический факультет, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
e-mail: tishkov@biodat.ru

Поступила в редакцию 25.11.2016 г.

Аннотация. Развитие массового международного и внутреннего туризма и Интернета вовлекли в процесс географического познания самые широкие слои населения, способствуя его “географизации”. Не менее миллиарда человек в мире стали “стихийными” географами. Туризм втягивает в процессы верификации научного знания и постоянного потребления географической информации самые широкие его слои. В статье рассматриваются вызовы стихийной “географизации” населения географической науке и осмысление новой феноменологии. Проводятся демаркационные линии между туристической и рекреационной географией. Истоки и развитие туристической географии связывается с философско-предметным расширением всего поля географической науки, что вписывается в парадигму постмодерна и может выступить лидером нового постдисциплинарного интеграционного знания. С формированием туристической географии в нашей науке возникают новые познавательные, ценностные, образовательные ресурсы, которые должны быть осмыслены и систематизированы.

Ключевые слова: туристическая география, рекреационная география, Интернет, туризм, постмодерн, вернакулярные районы, ландшафт, красота, география.

DOI: 10.7868/S0373244417040119

TOURISTIC GEOGRAPHY AS A RESEARCH DIRECTION IN THE SYSTEM OF GEOGRAPHICAL SCIENCES

Yurii A. Vedenin¹, Yurii N. Golubchikov², and Arkadii A. Tishkov¹

¹Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²Faculty of Geography, Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: tishkov@biodat.ru

Received November 25, 2016

Abstract. The development of mass international and domestic tourism and the Internet involved the broad layers of population in the process of geographic knowing, contributing to its “geographisation”. At least a billion people in the world became the “accidental” geographers. Tourism draws in the verification processes of scientific knowledge and the constant consumption of geographic information the broad segments of population. The article discusses the challenges of spontaneous “geographisation” of population for geographical science and the understanding of a new phenomenology. The demarcation line between touristic and recreational geography is drawn. The origin and development of the touristic geography associated with the philosophical and substantive extension of the field of geographical science that fits within the paradigm of postmodernism and can be a leader of the new postdisciplinary integrative knowledge. With the emergence of touristic geography in the science, new cognitive, value-based, and educational resources arise, which must be understood and systematized.

Keywords: touristic geography, recreational geography, the Internet, tourism, postmodernism, vernacular areas, landscape, beauty, geography.

Интегративность туристической географии. В России интерес географов к туризму проявляется с середины 1960-х годов [7, 26, 27, 40]. В 1970-х годах в системе географических наук утверждается рекреационная география, как новое научное направление, направленное на изучение пространственной деятельности человека, осуществляемой в свободное время с целью восстановления физического и духовного здоровья. Ее основные положения нашли отражение в известной монографии [49]. В качестве главных направлений рекреационной деятельности рассматривались санаторно-курортное лечение, оздоровительный отдых и туризм.

Таким образом, туризм в соответствии с этими представлениями воспринимался лишь как один из видов рекреационной деятельности, связанной с путешествиями и походами. Большинство публикаций по данной тематике касались описания объектов туризма — памятников истории и культуры, природных и культурных достопримечательностей, а также туристских маршрутов, различающихся по их познавательной ценности, по степени сложности их прохождения и пр. В дальнейшем география туризма стала рассматриваться как часть географии сферы услуг — одной из отраслей хозяйственной деятельности [2, 9, 20] и была отнесена к социально-экономическим дисциплинам.

В настоящее время отношение к туризму как объекту географических исследований коренным образом меняется. Это связано со многими причинами, обусловленными как реальными изменениями в жизни общества, так и развитием географической науки [1, 30]. Значение туризма в жизни общества и освоения географического пространства выросло до поистине глобальных масштабов. Это один из наиболее мощных рычагов, определяющих многие экономические, политические, экологические и социокультурные процессы, которые сегодня происходят в мировом пространстве. Перед научным сообществом встают новые задачи, решение которых невозможно без коренных изменений в самом подходе к исследованию этого феномена.

Возникла необходимость выделения особого научного направления в системе географических дисциплин — туристической географии, существенно отличающейся от рекреационной географии, имеющей свои цели, предмет и методы исследования. За рубежом появился ряд работ, обосновывающих специфичность в рамках синтетической по сути географии ее отраслей — туристической географии и рекреационной географии

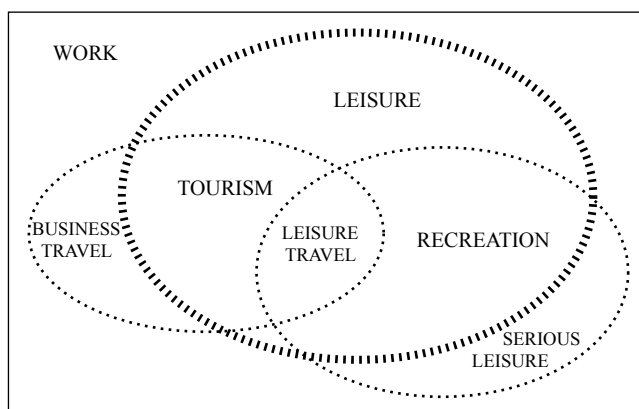

Рисунок. Соотношение между отдыхом (leisure), рекреацией (recreation) и туризмом (tourism).

Источник: составлено по [66].

[60, 66]. Суть используемых в этих исследованиях понятий, прежде всего отдыха, рекреации и туризма, и их взаимоотношение друг с другом четко передает схема британского профессора Стефана Вильямса [66], представленная на рисунке.

В чем суть рекреационной и туристической географии и чем обусловлена необходимость их разделения в системе географических наук?

В *рекреационной географии* особое внимание уделяется оценке рекреационных ресурсов и эффективности их использования, размещению учреждений отдыха, санаториев, пансионатов, туристских баз, гостиниц и зон отдыха. В том же ряду следует рассматривать и отдых в деревне, на даче или на садовом участке. Пространственная составляющая, хотя и учитывается при анализе рекреационной деятельности, но имеет явно второстепенное значение. Она рассматривается, прежде всего, в связи с доступностью и предпочтением выбора мест отдыха для так называемых “рекреантов” и ценностью рекреационных ресурсов, представляя рекреационную деятельность в относительно статичном контексте. В рекреационной географии на первый план выдвигается статическая составляющая.

Туристической географии более присущ динамический аспект. Ее интересуют мобильные виды отдыха, постоянно меняющие места своего пребывания туристы. Особое внимание обращается на восприятие ими культурных и природных ландшафтов и связанных с ними объектов культурного и природного наследия, влияние этого процесса на организацию географического пространства. При этом следует иметь в виду, что туризм начинает рассматриваться не только как

один из видов занятий, осуществляемых в свободное время, но и как *форма* отношения человека к своей жизни. Туризм может быть связан и с занятиями, выходящими за рамки свободного времени, в частности, с участием в экспедициях, пребыванием в командировках, обучением в других городах и за рубежом и т.д. Туристическая составляющая не только становится одним из видов деятельности современного человека, но и пронизывает всю его жизнь. Сеть туристических маршрутов охватывает сегодня практически всю поверхность земного шара.

Туристическая география рассматривается нами как достаточно старая дисциплина, ведущая начало от антропогеографии, страноведения, краеведения. Вместе с тем, отечественная туристическая география — это еще юная наука, занятием которой в полной мере стало возможным с начала 1990-х годов в связи с резко возросшим объемом туристских поездок населения, определенной деидеологизацией науки и общей гуманизацией географии. В физической географии специалиста, занимающегося туристической географией, стал в большей степени интересовать человек, а в экономической и социальной географии — природа. Особую важность туристической географии для всего спектра географических дисциплин приобретает интегральная специфика данной науки. Она смыкает физическую географию с социально-экономической, а их вместе — с историей и страноведением. Наряду с гуманитарной и культурной географией, туристическая география привносит дополнительные аргументы для понимания единства и целостности всей географии.

Туризм, как предмет исследований, не отождествляется только с синтезом географических знаний об одной из форм жизнедеятельности человека, его существования и использования разных средств познания окружающего мира. Скорее, это синкретическое соединение трудно сопоставимых образов мышления и взглядов. Но благодаря синкретическому началу туризм удачно вписывается в парадигму постмодерна и способствует появлению интегративных подходов даже в такой интегральной науке, как география.

Туристическая география вбирает в себя постдисциплинарные подходы, позволяющие ей получать новые меры комплексности и целостности за пределами узкодисциплинарных подходов географии интенсивнее, чем остальные ее отрасли. Среди этих отраслей выделяются: изучение мобильности человека, образа территории, лечебных мест, идентичности и эстетики пространства, культурного и природного наследия,

национальных парков, сельских дач, городов, устойчивого развития, воспитания и образования за пределами помещений [60]. Подчас они развиваются изолированно или даже находятся в конкурентных отношениях с соседними научными проблемами. Естественно-гуманитарный характер туризма удачно передает название пятиязычного словаря “Туризм: природа — культура — путешествия”, подготовленного В.М. Котляковым и А.И. Комаровой [30]. “... *Туризм способствует развитию географических наук и системы географического образования, росту в обществе интереса к географическим сведениям*” — пишет А.И. Зырянов [22, с. 10].

В силу своего естественно-гуманитарного положения, туристическая география призвана преодолевать междисциплинарные барьеры. Интеллектуальное вдохновение черпается ею из всевозможных сфер, а в самой туристической географии трудятся ученые и специалисты из других областей. Методологически и содержательно эклектичная туристическая география, будучи тесно связанной со всеми предметами географического, исторического, социального и культурологического цикла, заимствует у этих наук не столько методы исследования, сколько интерпретационный аспект.

Благодаря туризму система географических наук становится вновь менее дифференцированной. Возникает ее новая структура, возвращающая к целостности. Как писал В.М. Котляков “*вся совокупность географических наук... подразделяется на две главные части — общую географию, или землеведение, и региональную географию, или страноведение*” [28, с. 5].

Очень важное значение, как для становления туристической географии, так и для ландшафтоведения, имеет современная концепция культурного ландшафта. В.С. Преображенский [39] отмечал, что ландшафтоведение не выживет, если будет считаться лишь физико-географической наукой, а не общегеографической, и не станет рассматривать человека по отношению к ландшафту не как внешнюю силу, а как его компонент. Именно наука о туризме заставляет исследователя рассматривать культурный ландшафт как единство природных и антропогенных элементов, результат сознательной деятельности человека для удовлетворения тех или иных практических потребностей — в данном случае и как объекта туризма. “*А ведь, действительно, кому он был нужен, этот ландшафт? Черной металлургии? Нефтегазодобывающей и перерабатывающей индустрии?... И вдруг туризм — сфера, предмет труда которой состоит*

не в изменении природы, а в ее восприятии. Единственная сфера, заинтересованная в сохранении целостного ландшафта...», — пишет И. В. Зорин [19, с. 33].

В представлении о культурном ландшафте как территориальном комплексе, сформировавшемся в процессе взаимодействия человека и природы при определяющей роли культуры, содержатся основы для соединения ландшафтоведения и туризма [10]. При этом имеется в виду не только материальная, но и духовная культура, в том числе искусство, наука, фольклор и топонимика. Таким образом, культурный ландшафт рассматривается как сложное ноосферное образование, сформировавшееся в процессе взаимодействия человека и природы, в основе которого лежит определенная система гуманитарных ценностей. Ноосферная (гуманитарная) концепция культурного ландшафта строится на приоритете интеллектуальных и духовных ценностей, определяющих отношение людей к природе и к результатам их собственной деятельности [48].

Туризм сдвигает в сторону пространственного и культурологического подхода все поле социально-экономических и ландшафтно-экологических дисциплин [63, 65]. От сенсорно-измерительной интерпретации ландшафта туризм ведет к его эстетическому восприятию [5, 23, 25, 41, 42].

Туризм придает новое дыхание географическим описаниям и, можно надеяться, разбивает их шаблонность. От физико-географических и экономико-географических характеристик туристско-географические описания отличаются естественно-гуманитарным наполнением.

Добротные страноведческие и краеведческие обзоры тех или иных территорий всегда были основой для туристической деятельности, а соответственно и туристической географии. В своих лучших образцах эти компиляции превращаются в синтетические естественно-гуманитарные обобщения. Особая притягательность туристической географии заключена в ее тесном переплетении с деятельностью СМИ. Не для всех дисциплин эта связь привлекательна, но географии без нее нельзя. Она не только включает традиционную популяризацию географических знаний, объектов и явлений, но еще выступает как основа краеведения и страноведения. В союзе с СМИ туристическая география формирует в общественном сознании образ территории, отражая в ней «самое-пресамое».

Все это позволяет рассматривать туристическую географию в совокупности с культурной

географией и географией человека, как наиболее важный связующий фактор между естественными и гуманитарными науками. Заявив о своем естественно-гуманитарном начале, туристическая география сможет выступить лидером нового интеграционного знания.

Туристическая география расположена на перекрестке разнообразных дисциплин, как естественных, так и гуманитарных, как прикладных, так и фундаментальных. Еще Альфред Геттнер утверждал, что *“география не может ограничиваться никаким определенным кругом явлений природы или человеческой жизни, она должна охватывать сразу все царства природы и вместе с ними человека. Она не будет ни естественной, ни гуманитарной..., но той и другой вместе”* [10, с. 116].

Не будет большой ошибкой утверждать, что из всех кафедр классического географического факультета наиболее универсальной и постдисциплинарной может стать кафедра туризма. Будучи естественно-гуманитарной по своему существу, она наиболее близка к тому, чтобы предоставлять студентам универсальную туристско-географическую подготовку. Она, собственно говоря, наиболее близка к подлинно университетскому обучению, поскольку самым тесным образом совмещает природные и общественные науки и смыкает историю с географией.

Вызовы постмодерна. Всеобщая компьютеризация населения и его доступ к Интернету оказались настолько эпохальными, что получили название эпохи “третьей волны” (первые две знаменовались “эпохой пара”, затем нефти и электричества) [50]. “Третья волна” настолько изменила мир, что его в противоположность предшествующему индустриальному этапу модерна стали называть миром постмодерна (*постмодернизма, постпозитивизма, постиндустриальной или постэкономической стадией, постнеклассической науки*). В противовес традиционному пониманию развития в виде экономического роста постмодерн порождает концепции человеческого развития (*human development*), понимаемые как расширение возможностей выбора [20].

Сетевые технологии предоставили человеку беспрецедентную возможность выбора наряду с невиданной доселе степенью мобильности и автономности. Теперь человек может работать, пребывая в путешествии, и путешествовать, оставаясь на работе. Стерлись четкие различия между работой и домом, городом и деревней, обучением и развлечением, буднями и каникулами, виртуальностью и реальностью. Труд перестал быть жизненно необходимым для части населения.

Многие предпочитают меньше зарабатывать, но иметь больше свободного времени, чтобы путешествовать или работают лишь для того, чтобы путешествовать. Отдаленные путешествия становятся главной статьей семейных расходов.

Если недавно основу туристского рынка составляли оплачиваемые отпуска рабочих и служащих, то в создавшейся свободе выбора, туризм перестает быть атрибутом свободного времени. Своеобразной формой туризма стал образ постоянной жизни в различных средах. Это бывает, когда человек приобретает второе жилье (дачу) в сельской местности и живет одновременно и в квартире и на даче (*second-hometourism*). Все большее число обеспеченных людей вообще не имеют постоянного места жительства. Их жизненный стиль заключен в постоянном перемещении от одного места к другому [52]. Сфера туризма размылась и он вступил в повседневную жизнь.

В те или иные формы туризма, по нашим оценкам, оказались втянутыми на Земле около трех млрд человек. Каждый третий житель планеты пребывает какое-то время в году в роли туриста. Интернет и массовый туризм вовлекли в процесс географического познания самые широкие слои населения. Можно полагать, что не менее одного миллиарда человек в мире на какое-то время в году становятся “стихийными” географами [12]. Потому что даже если туризм осуществляется исключительно ради поиска удовольствий, то и они не проходят без обретения научных знаний и географического опыта. “Сама среда путешествия, новые условия бытия активизируют познавательные способности человека”, — пишет И. В. Зорин [18, с. 5–6].

В целом ряде стран появились “добровольцы по сбору географической информации” (*volunteered geographic information* — VGI) [58]. Примерами научных проектов, созданных в рамках распространения такого рода информации являются статьи в *Wikipedia*, *Twitter* и *Flickr*, сервисы *OpenStreetMap*, *TomTom*, *NAVTEQ*, некоторые виртуальные глобусы.

Важнейшим фактором, определяющим фундаментальные основы туристической географии в современном познании мира, является то, что наука о туризме исследует туризм как важный инструмент повышения качества жизни человека и ее продления, но не путем долголетия, а путем перемещения в пространстве [12]. Но и туризм втягивает в осмысление географического знания самые широкие слои населения. С ним география обретает массовый характер. Возникает своего рода “народная наука”

(“*citizenscience*”) и краудсорсинг (*crowdsourcing*) научного знания [53, 54, 58, 61]. Становится возможным говорить о географической народной науке (*geographicalcitizenscience*) [58], или, проще говоря, “народной географии”.

Можно ожидать, что главным фактором дальнейшего развития науки станет рост популяции хорошо образованных людей, профессионально не связанных с научной деятельностью. С увеличением свободного времени занятия наукой все более реализуются как самый серьезный вид отдыха.

Такая ситуация господствовала в науке вплоть до конца XIX в. Все это время наука развивалась главным образом людьми, имеющими дополнительный источник доходов и была своего рода “*citizenscience*”. Известный географ, путешественник и философ П. А. Кропоткин отмечал: “Почему-то все великие исследования, все перевернувшие науку открытия были сделаны помимо академий и университетов” [31, с. 121].

На основе пространственной самоидентификации формируются социальные движения горожан, выдвигающих какие-либо требования к городским властям с позиции прав местных сообществ самим принимать решения по развитию своего города [8, 24].

Интернет разрушает бюрократические барьеры в территориальном управлении. Запросы через Интернет, свободный доступ к информации о деятельности муниципальных, региональных и федеральных органов власти, организация петиционных компаний в сетях, электронные референдумы, голосования и многое другое входят в современное представление об электронной демократии [4].

Территориально-локальные проблемы все чаще объединяют географически очень далеких пользователей сети. На смену территориальным сообществам идут сообщества сетевые. Само краеведение становится сетевым. На его основе прослеживается становление философско-сетевой основы муниципального управления (микрополитики). Его цели на такой основе видимо совпадают с задачами ландшафтной политики [17]. Жизнь и пространство все более структурируются в паттернах и терминах сетей и потоков с ожидаемым исчезновением значения столиц и границ. Прослеживается появление эффективных форм прямого народного участия в развитии своего города, деревни, села. Надежды на воплощение анархических чаяний о прямом народном самоуправлении [51] соседствуют с представлениями о грядущем

жестком контроле общества через протоколы Интернета, подтверждаемые мощными формами цензуры на Земле [55].

Утверждается, что постиндустриальное общество будет построено не по типу иерархии институтов, а по типу сетевой паутины и порождаемой ею виртуального пространства [4]. Паутина, в которой нет ни фундаментального, ни второстепенного, становится центральной парадигмой постмодернистского общества.

Совпал этот процесс с всплеском географической и этнической самоидентификации граждан, с “возвращением к корням”, дифференциацией государств на новые этнополитические образования. Во всем мире стали пробуждаться и выходить на политическую и историческую сцену древнейшие основы национального бытия [34].

В начале XX в. на Земле было около 50 государств. Теперь в ООН входит 200 государств, вдвое больше чем в середине XX в. А всего в мире их насчитывается 230. Не все государства, объявившие о своем суверенитете, признаны ООН. Географы А. П. Горкин, А. И. Трейвиш и А. С. Фетисов [14] представляют, как в обозримом будущем государств будет уже в 25 раз больше. Их средняя площадь упадет с 680 до 25–30 тыс. км², а людность — с 30.0 до 2.0–2.5 млн чел.

Глобальный процесс этнополитического дробления государств выводит на поверхность архаичные уклады жизни, деревенский быт и тем самым усиливает значение географического фактора в жизни общества. Если еще недавно все повсюду казалось все более нивелирующимся, то теперь, усиливаются процессы культурной дифференциации пространства. Транспортные скорости растут, а некогда схожие города разбегаются друг от друга. Все более удаленными в культурно-географическом отношении выглядят Ташкент, Рига, Львов, Тбилиси, Москва. Удаляется все друг от друга и внутри новых стран. Вологда удаляется от Владивостока, Хабаровск от Тамбова, а все вместе от пустеющего Магадана. Тот же дифференцирующий процесс прослеживается в “Объединенной Европе” и даже в самых интегрированных Соединенных Штатах Америки. В результате усиливается значение географического фактора и туризма в жизни стран и народов, а вместе с ними поднимается престиж туристической географии.

Вернакулярные районы. Классическая география нацелена на объяснение сущностных характеристик природы, на создание объективного знания и объясняющих теорий. “Народная география”,

формирующаяся в недрах традиционной или массовой культуры, оперирует бытовыми понятиями и образами, которые возникают в результате непосредственного наблюдения и практической деятельности. Они сохраняют субъективное начало, даже если создаются с помощью новейших компьютерных технологий как, например, интегрированные с веб-сайтом *Panoramio*-аэрофотокосмические изображения земной поверхности, размещенные на геосервисах Викимания и *Google Earth* [46].

Долгое время обыденные представления людей о пространстве считались ненаучными и воспринимались учеными как предрассудки. Но как отмечает Д. В. Николаенко [36], помимо знания профессиональных географов, есть разнообразное географическое знание непрофессионалов. Они относительно самостоятельны и реально сосуществуют, у каждого свои достоинства и недостатки, их невозможно редуцировать друг к другу. И нет оснований оценивать обыденное географическое знание как второсортное.

Туристическая география, в большей степени, чем какая либо другая отрасль науки, заполняет поле между народной географией и географической наукой, страноведением, краеведением.

Среди виртуальных представлений различных субъектов о пространстве и месте главенствуют те, что были когда-то отнесены В. С. Преображенским [37, 38] к “бытовой геоэкологии”. Это пейзажная аттрактивность, криминогенная обстановка, различия в дифференциации цен, инфраструктурные и экологические рутины повседневной жизни и проявления местных знаний, объектов и пространства. Состоят они из когнитивных (познавательных), аффективных (эмоциональных) и ценностных (аксиологических) компонентов.

Постмодерн выдвигает перед географической наукой задачу освоения обыденных интерпретаций пространства индивидами и группами людей, получивших название вернакулярных (от *vernacular* — местный, народный, обыденный) районов [56, 57, 64]. Это проблема является важнейшей задачей, которую приходится решать в рамках туристической географии. В противоположность целостным и завершенным научным интерпретациям пространства, вернакулярная реальность является источником формирования разнообразных виртуальных образов, определяющих суть туристической географии.

Выделение вернакулярных (виртуальных) районов, как бы далеко они не расходились со статистикой или “объективной” геометрией тер-

ритории, утверждается как важный вклад географии в общенаучную методологию. Этот подход привнес в географию семантический анализ пространства разными социокультурными и этнокультурными группами, символику смысла и ценности места, топофильные и топофобные образы [44, 47]. Для туристической географии такое отношение к географическому пространству и его дифференциации является определяющим. Благодаря этому подходу можно объяснить пространственные закономерности поведения людей, выявить причины привлекательности различных территорий. В рамках культурной географии, тесно связанной с туристической географией, существует представление о культурных районах, где используются принципы, заложенные в представлении о вернакулярных районах (как пример — Кенозерский национальный парк или Бородинский музей заповедник [32]).

Вернакулярные районы нередко представляют реальную ситуацию в более яркой и символической форме. Например, по привычным картам можно не понять, что специфику некоего селения определяет полигон твердых бытовых отходов или своеобразие такого населенного пункта заключено в контролирующей его бандитской этнической группировке. Но они будут главенствующими в вернакулярных представлениях. Конечно, для развития туризма одним из определяющих принципов является образный подход и формирование на этой основе бренда территории (см., например, карту Н.А. Соболева “Природные объекты — символы России”, составленную на основании результатов конкурса “Россия 10” 2013 г. [45]). Так, например, в масштабе России используются такие бренды как Русский Север — живая память России, Русское Черноземье — поэтическая душа России, Русский заводской Урал — земля сказов, зеленого камня и металла, Русское Приморье — земля путешественников, амурского тигра и женьшеня и т.д. [33].

Аксиологические и эстетические аспекты. Если в природопользовании в центре внимания находится воздействие человека на географическую среду, в фокусе гуманитарной географии (географии человека/антропогеографии) лежит воздействие географической среды на человека, то в туристической географии центр смещен на восприятие человеком географического пространства, его интеллектуальное и духовное освоение. В первом приближении его можно сфокусировать на аксиологических (ценностных), эстетических и образовательно-оздоровительных ресурсах географической среды. Особое внимание уделяется

эстетической оценке культурных и природных ландшафтов как важнейших компонентов географического пространства. Некоторые ученые считают, что география — это наука о красоте земного шара. Так именовал географию географ И.Н. Гладцин: *“Мы изучаем науку о гармонии и красоте земного шара — географию... География заставляет человека смотреть на мир не через узкую щель своей специальности, а с высоты, с высоты птичьего полета. С высоты высокой горы она показывает ему все царства мира. Наш угол зрения — 360 градусов. В географии есть протест против всей растущей и оупляющей специализации. И в этом, быть может, лежит причина упорного непонимания ее в среде академических специалистов... География поддерживает в человеке жизнелюбие, гоняя его по всему земному шару, внушает ему любовь ко всему сущему, развивает в нем божественную благожелательность, философски-ироническое отношение к невзгодам и лишениям и высший космополитизм. География, заставляя человека знакомиться с целым рядом подсобных наук, расширяет наш кругозор безгранично и научает видеть красоту там, где неопытный глаз ее может и не заметить”* [11, с. 18].

Пребывание человека в иных, отличных от привычных для него мест, ландшафты, где он чувствует себя комфортно, испытывает положительные эмоции, получает удовольствие — область исследований туристической географии. Объективной оценки красоты не существует, а без субъективного момента не остается самой красоты. Однако чаще всего красивыми считаются контрастные и контактные среды: берег реки, моря, вершины и гребни горных массивов, бровки склонов, поляны и опушки в лесу, островок леса в степи [3, 5, 16, 49]. Б.Б. Родоман [43, с. 48] отмечал, что *“...важнейшим ресурсом рекреации оказывается само разнообразие природно-антропогенного ландшафта и его контрастность, выраженная густотой и конфигурацией границ...”*.

Основоположник пермакультурного дизайна Дэвид Холмгрен отмечает, что природный и особенно биологический мир снабжает нас величайшим разнообразием паттернов (знаков, узоров, стилей) природы. Паттерны повсюду вокруг нас. Их образуют волны, песчаные дюны, деревья, листья, туман, облака, снег, дождь. Они представлены сетями, кругами, точками, разветвлениями, кривыми, спиралями, меандрами, слоями, арками, склонами, пиками, геометрическими формами, повторяющимися орнаментами, ритмами. Их созерцание успокаивает, наводит на размышления, настраивает на медитацию [62].

Некоторые места воспринимаются людьми как сакральные. В старину о таких местах говорили, что там нисходит благодать. В таких местах нередко сооружали культовые постройки, сюда навещались паломники [15]. Сакральные места являются своего рода особыми “энергетическими точками” культурного ландшафта [32]. Подчеркивается первичность природной основы для культурного ландшафта и приуроченность священных мест, связанных с религиозными, и культурными святынями (сакральная география) [15].

Туризм в стратегиях выживания человечества. Существует много суждений и доказательств о росте числа и интенсивности природных катастроф за последние полвека. Но судя по всему, дело тут в том, что первые две трети XX в. отличались идеальной геолого-климатической стабильностью. Большинство крупных технологий нашего времени и было выстроено под эту устойчивость. Если же проэкстраполировать на нашу современность многие события из более отдаленного прошлого, даже из XVIII–XIX вв., как вырисовывается глобальная катастрофа [20].

Устойчивость системы коренится в ее разнообразии. В этом плане современная цивилизация очень неустойчива. Вся, например, она повисла на электричестве. Вот почему так важно сохранять и развивать отжившие технологии и ненужности типа паровозов, пароходов, карбюраторных автомобилей, бипланов, парусников, дирижаблей, аэростатов или ездовых лошадей, отопления на дровах или водоснабжения на колодцах. Их развитие и создание образцов нового поколения, может быть, даже поважнее всевозможных цифровых инноваций и самого что ни на есть хайтека. Между тем, каждое принципиально новое достижение технического прогресса перечеркивает развитие других его направлений, переводимых более успешными коллегами в символы технической отсталости.

Еще неизвестно каких бы успехов достигло паровозостроение, если не было бы напрочь исключено из развития. Его история насчитывала почти 200 лет, когда в 1956 г. был построен в нашей стране последний паровоз. Еще раньше разделились с тысячелетней эпохой парусного флота. Последний крупный парусник соорудили в 1926 г. (барк “Крузенштерн”, перешедший к СССР по репарации бывший немецкий “Падуа”).

Реальность сегодня такова, что исторические памятники, не оформленные в турпродукт, предаются забвению. Венеция не сохранилась бы без “музеизации” и туризма.

Существует много работ, описывающих те угрозы, что несет туризм объектам природного и культурного наследия. Гораздо меньше говорится, что сами эти объекты существуют, прежде всего, благодаря краеведению и туризму. Именно с такого интереса началось в конце 1950-х годов возрождение разрушенных храмов и монастырей России. Поначалу оно касалось только образцов архитектуры XVI–XVII вв. в целях демонстрации их иностранным туристам. Но без краеведческого движения тех времен тоже невозможно представить такое восстановление.

Как когда-то храмы, исчезают сегодня села, деревни, хутора, поселения, стойбища, заимки. Есть успешные примеры восстановления русских усадеб, но совершенно нет опыта реставрации культурного ландшафта ушедшей деревни с ее хлевами, банями, овинами, деревянной резьбой, техникой быта, традициями. А ведь они не раз спасали нас в тех подчас нечеловеческих условиях прошлого, что очень даже могут оказаться востребованными в будущем.

Известный географ XX в. С. М. Мягков [46] указывал, что неизбежная при нынешних темпах потребления катастрофа для “всемирно-прогрессивного человечества” и “индустриально-рыночной демократии” может не стать глобальной, если в ближайшие десятилетия сохранятся изолированные этносы, не затянутые в глобальную систему западного миропорядка. У них останутся шансы развиваться дальше, как это, возможно, уже не раз происходило в истории человечества. Задача сохранения культур, генно-психических особенностей и трудовых навыков традиционных обществ в этом свете важна не только для гуманистического развития мира, но и с позиции того неведомого, что может ждать человечество на его тернистом пути в свое грядущее. Это тоже задача туристической географии.

Заключение. Становление туристической географии связывается с фундаментальным расширением всего поля географической науки, что вписывается в парадигму постмодерна и может выступить стимулом нового постдисциплинарного интеграционного географического знания. Оно будет ориентировать современную географию не к развитию технологий преобразования природы, ее охраны и нормирования воздействия человека на природу, а к формированию нового географического мировоззрения. В каждой отрасли географии, связанной с осмыслением туризма как пространственного явления, выделяется суть: в природопользовании — воздействие человека на географическую среду, в гуманитарной

географии — воздействие географической среды на человека, в туристической географии — восприятие человеком географического пространства, его интеллектуальное и духовное освоение. С внедрением последней в нашей науке возникают новые аксиологические (ценностные), эстетические, образовательные и оздоровительные ресурсы, которые должны быть осмыслены и систематизированы. Это следующий шаг в развитии нового “крыла” единой географии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артоболевский С.С., Бабурин В.Л., Бакланов П.Я., Касимов Н.С., Колосов В.А., Котляков В.М., Люри Д.И., Тишков А.А.* Стратегия пространственного развития в Российской Федерации: географические ресурсы и ограничения // Изв. РАН. Сер. геогр. 2009. № 3. С. 8–18.
2. *Алексеев А.И., Ковалев С.А., Ткаченко А.А.* География сферы обслуживания: основные понятия и методы. Учеб. пособие. Тверь, 1991. 117 с.
3. *Багрова Л.А., Гаркуша Л.Я.* Эстетические ресурсы Крымского полуострова // Культура народов Причерноморья. 2010. № 177. С. 149–152.
4. *Блануца В.И.* Географическое изучение сетевого мира: исходные установки и перспективные направления // География и природные ресурсы. 2012. № 1. С. 5–13.
5. *Бредихин А.В.* Рекреационно-геоморфологические системы. Смоленск, изд-во “Ойкумена”, 2010. 330 с.
6. *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия / Под. ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 13–36.
7. *Веденин Ю.А., Мирошниченко Н.Н.* Оценка природных условий для организации отдыха // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1969. № 4. С. 51–60.
8. *Вендина О.И.* Московская идентичность и идентичность москвичей // Изв. РАН. Сер. геогр. 2012. № 5. С. 27–39.
9. География туризма / Под ред. А.Ю. Александровой. М.: КНОРУС, 2009. 592 с.
10. *Геттнер А.* География, ее история сущность и методы / Под ред. Н. Баранского. М.—Л., 1930. 416 с.
11. *Гладцин И.Н.* “Утверждение географии” (Речь представителя студентов на годичном акте Географического института 30 января 1922 г.) // Геогр. вестн. 1922. Вып. 1. 18 с.
12. *Голубчиков Ю.Н.* Теоретические основы туристической географии. М.: Издательский сервис, 2017. 192 с.
13. *Голубчиков Ю.Н., Голубчиков М.Ю.* Катастрофизм как методологическая и познавательная программа // Изв. РАН. Сер. геогр. 2012. № 1. С. 117–124.
14. *Горкин А.П., Трейвиш А.И., Фетисов А.С.* Траектория развития стран мира и эволюционное страноведение // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2005. № 2. С. 18–28.
15. *Григорьев А.А.* Знаки и образы в географическом страноведении. СПб.: ТЕССА, 2010. 342 с.
16. *Гродзинский М.Д., Савицька О.В.* Эстетика ландшафту. Київ: ВПЦ Київський університет, 2005. 184 с.
17. *Дьяконов К.Н.* Ландшафтоведение в современном обществе и актуальные задачи ландшафтных исследований // Ландшафтоведение: теория, методы, региональные исследования, практика / Матер. XI Междунар. ландшафтной конф. М.: Географический факультет Моск. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2006. С. 8–15.
18. *Зорин И.В.* Феноменология туризма. Избр. соч. М.: Наука, 2005. 552 с.
19. *Зорин И.В.* Рекреационная сущность туризма // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования / Тр. VII Междунар. научно-практ. конф. (Москва, 27–28 апреля 2012). СПб.: Д.А.Р.К., 2012. С. 31–38.
20. *Зубаревич Н.В.* Мифы и реальности пространственного неравенства // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 38–53.
21. *Зубаревич Н.В.* География сектора услуг: новые вызовы // В кн.: География населения и социальная география / Вопросы географии. Сб. 135. М.: Издательский дом “Кодекс”, 2013. С. 483–492.
22. *Зырянов А.И.* География и туризм: различие и общность интересов // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 1. С. 10–15.
23. *Каганский В.Л.* Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // Междунар. журнал исследований культуры. 2011. № 4. С. 26–40.
24. *Карлова Е.В., Зюзин Н.В.* Локальные сообщества жителей в условиях транспортных городских барьеров // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2014. С. 36–41.
25. *Колбовский Е.Ю.* Эстетическая оценка ландшафтов: проблемы методологии. Ярославский пед. вестн. 2011. № 4. Т. III (Естественные науки). С. 161–166.
26. *Котляров Е.А.* География отдыха и туризма. М.: Мысль, 1978. 184 с.
27. *Котлярова О.В.* География туризма и отдыха. Ч. 1. Курс лекций для студентов специальности 100103 “Социально-культурный сервис и туризм” и 100201 “Туризм”. Челябинск: ФГОУ ВПО УралГУФК, 2008. 228 с.
28. *Котляков В.М.* Современность географии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2011. № 6. С. 4–12.
29. *Котляков В.М., Комарова А.И.* Туризм: природа — культура — путешествия. Пятиязычный словарь. М.: Изд. дом Кодекс, 2013. 672 с.

30. Котляков В.М., Тишков А.А. Стратегия устойчивого развития России в начале XXI века: инновационные векторы и место географического прогноза. *Инновации*. 2009. № 9. С. 74–81.
31. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. М.: Наука, 1990. 642 с.
32. Кулешова М.Е. Факторы культурно-ландшафтной дифференциации территории – природный каркас, его экологические функции природно-культурный каркас // Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 82–104
33. Культурный ландшафт как объект наследия. М.—СПб.: Дмитрий Буланин. 2004. 618 с.
34. Лавров С.Б. Геополитика и регионалистика: взгляд ученых // Геополитические и геоэкономические проблемы России. СПб.: РГО, 1995. С. 3–10.
35. Мягков С.М. Социальная экология. Этнокультурные основы устойчивого развития. М.: НИИПИ-экологии города, 2001. 190 с.
36. Николаенко Д.В. Рекреационная география: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 288 с.
37. Преображенский В.С. Бытийный географизм и географическая наука // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1993. № 3. С. 40–54.
38. Преображенский В.С. Бытовой географизм // География. Приложение к газете “Первое сентября”. 1997. № 25. С. 8–11.
39. Преображенский В.С. Острые проблемы ландшафтоведения на рубеже веков // Изв. РАН. Сер. геогр. 1998. № 3. С. 14–19.
40. Преображенский В.С., Веденин Ю.А. География и отдых: Изучение организации и планирования зон отдыха. М.: Знание, 1971. 48 с.
41. Рагулина М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез. Иркутск: ИГ СО РАН, 2004. 173 с.
42. Рагулина М.В. О синтезе гуманитарных и естественнонаучных подходов в исследовании культурного ландшафта // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 1. С. 7–13.
43. Родоман Б.Б. Географические проблемы отдыха и туризма / В кн. Территориальные системы производительных сил. М.: Мысль, 1971. С. 48–61.
44. Смирнягин Л.В. Методические подходы к районированию в общественной географии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2011. № 6. С. 13–19.
45. Соболев Н.А. Экологический каркас России. Индикативная схема / Под ред. А.А. Тишкова. М.: Институт географии РАН, РГО, 2015. 16 с
46. Соколова А.А. Зона Волго-Балтийского водного пути на геоизображении Google Earth виртуальное пространство и визуализированная реальность // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2011. № 141. С. 148–160.
47. Стрелецкий В.Н. Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Изв. РАН. Сер. геогр. 2008. № 5. С. 21–33.
48. Стрелецкий В.Н. Культурная география в странах Запада и России: пути формирования и современная самоидентификация // Теория социал.-эконом. географии: современное состояние и перспективы развития. Матер. междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 4–8 мая 2010 г.). Ростов-на-Д., 2010. С. 257–265.
49. Теоретические основы рекреационной географии. М.: Наука, 1975. 245 с.
50. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.
51. Barlow J.P. A Cyberspace Independence Declaration, 1996. URL: http://w2.eff.org/Censorship/Internet_censorship_bills/barlow_0296.declaratio
52. Cohen E. and Cohen S.A. Current sociological theories and issues in tourism // *Annals of Tourism Research*. 2012. № 39 (4). P. 2177–2202.
53. Conrad C. and Hilchey K. A review of citizen science and community-based environmental monitoring: Issues and opportunities // *Environmental Monitoring and Assessment*. 2011. № 176. P. 273–291.
54. Dickinson J. and Bonney R. Citizen science: Public participation in environmental research. Ithaca, NY: Comstock. 2012. V. XVIII. 279 p.
55. Galloway A. R. Protocol: How control exists after decentralization. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. 260 p.
56. Gerlach J. Vernacular mapping and the ethics of what comes next // *Cartographica*. 2010. № 45. P. 165–168.
57. Gerlach J. Lines, contours and legends: Coordinates for vernacular mapping // *Progress in Human Geography*. 2014. V. 38 (1). P. 22–39.
58. Goodchild M.F. Citizens as sensors: the world of volunteered geography // *GeoJournal*. 2007. № 69 (4). P. 211–221.
59. Haklay M. Citizen Science and Volunteered Geographic Information: Overview and Typology of Participation // *Crowdsourcing Geographic Knowledge Volunteered Geographic Information (VGI) in Theory and Practice* / Sui D., Elwood S. Goodchild M. (Ed.). Dordrecht, Heidelberg, NY, London: Springer, 2013. P. 105–122.
60. Hall C.M. and Page S.J. Progress in Tourism Management: From the geography of tourism to geographies of tourism. A review // *Tourism Management*. 2009. V. 30 (1). P. 3–16.
61. Hannam K. Tourism geographies, tourist studies and the turn towards mobilities // *Geography Compass*. 2008. № 2 (1). P. 127–139.
62. Holmgren D. Permaculture. Principles and pathways beyond sustainability. Hampshire: Permanent Publications, 2002. URL: <http://library.uniteddiversity.coop/Permaculture/Permaculture-Principles and Pathways Beyond Sustainability.pdf>.
63. Sheller M. and Urry J. The new mobilities paradigm // *Environment and Planning*. 2006. V. 38. P. 207–226.

64. *Sui D., Elwood S., and Goodchild M.* Crowdsourcing geographical knowledge: volunteered geographic information in theory and practice. Berlin: Springer, 2013. 396 p.
65. *Warf B. and Arias S.* Introduction: The reinsertion of space into the social sciences and humanities // *The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives* / Warf B. and Arias S. (Ed). Abingdon: Routledge, 2009. P. 1–10.
66. *Williams S.* Tourism geography: a new synthesis. 2-nd ed. London, NY. 2009. 310 p.
13. Golubchikov Yu.N., Golubchikov M. Yu. Catastrophism as a methodological and informative program. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.* 2012, no. 1, pp. 117–124. (In Russ).
14. Gorkin A. P., Treivish A. I. Fetisov A. S. Development trajectory of the countries of the world and evolutionary studies. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2005, no. 2, pp. 18–28. (In Russ).
15. Grigoryev A. A. *Znaki i obrazy v geograficheskom strano-vedenii* [Symbols and Images in Geographical Study of Countries]. St.-Petersburg: TESSA Publ., 2010, 342 p.
16. Grodzins'kii M.D., Savits'ka O.V. *Estetika landshaf-tu* [The aesthetics of a landscape]. Kiiv: VPC Kiiv's'kij universitet Publ., 2005. 184 p.
17. Dyakonov K. N. Landscape science in modern society and actual tasks of landscape studies. In: *Landshaftovedenie: teoriya, metody, regional'nye issledovaniya, praktika* [Landscape Science: Theory, Methods, Regional Studies, Practice: Proceeding of International Conference]. Moscow: Geograpgical faculty MGU Publ., 2006, pp. 8–15. (In Russ.).
18. Zorin I. V. *Fenomenologiya turizma. Izbrannye sochineniya* [Phenomenology of Tourism. Selected works]. Moscow: Nauka Publ., 2005, 552 p.
19. Zorin I. V. Recreational Nature of Tourism. In *Turizm i rekreatsiya: Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya* [Tourism and Recreation: Fundamental and Applied Research: Proceeding of VII International Conference. Moscow, April 27–28, 2012]. St.-Petersburg: D.A.R.K. Publ., 2012, pp. 31–38. (In Russ.).
20. Zubarevich N. V. The myths and realities of spatial inequality. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2009, no. 1, pp. 38–53. (In Russ).
21. Zubarevich N. V. The geography of the service sector: new challenges. *Voprosy geografii Sb. 135: Geografiya naseleniya i sotsial'naya geografiya* [Problems of Geography. Vol. 135: Population Geography and Social Geography]. Moscow: Kodeks Publ., 2013, pp. 483–492. (In Russ).
22. Zyryanov A. I. Geography and tourism: differences and common interests. *Sovremennye problemy servisa i turizma*, 2014, no. 1, pp. 10–15. (In Russ).
23. Kaganskii V. L. The study of the Russian cultural landscape as a whole and some of its results. *Mezhd. zhurnal issledovaniy kul'tury*, 2011, no. 4, pp. 26–40. (In Russ).
24. Karlova E. V., Zyuzin N. V. Local community residents in terms of urban transport barriers. *Vestn. Mos. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2014, no. 5, pp. 36–41. (In Russ).
25. Kolbovskii E. Yu. Touristic evaluation of the landscape: problems of methodology. *Yaroslavskii ped. vestn.*, 2011. Vol. III (Estestvennye nauki), no. 4, pp. 161–166. (In Russ).
26. Kotlyarov E. A. *Geografiya otdykha i turizma* [Geography of Recreation and Tourism]. Moscow, 1978. 184 p.
27. Kotlyarova O. V. *Geografiya turizma i otdykha* [The Geography of Tourism and Recreation]. Chapter 1. Chelyabinsk: UralGUFK Publ., 2008. 228 p.
28. Kotlyakov V. M. Modernity of geography. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2011, no. 6, pp. 4–12. (In Russ).

REFERENCES

1. Artobolevsky S.S., Baburin V.L., Baklanov P. Ya., Kasimov N.S., Kolosov V.A., Kotlyakov V.M., Lyuri D.I., Tishkov A.A. Strategy of spatial development in the Russian federation: Geographical resources and limitations. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2009, no. 3, pp. 8–18. (In Russ.).
2. Alekseev A.I., Kovalev S.A., Tkachenko A.A. *Geografiya sfery obsluzhivaniya: osnovnye ponyatiya i metody* [Geography of Service Sphere: Main Concepts and Methods]. Tver: 1991. 117 p.
3. Bagrova L.A., Garkusha L. Ya. Turisteticheskie resursy Krymskogo poluostrova. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*, 2010, no. 177, pp. 149–152. (In Russ).
4. Blanutsa V. I. Geographical investigation of the network world: Basic principles and promising directions. *Geogr. Nat. Resour.*, 2012, no. 1, pp. 1–9.
5. Bredikhin A. V. *Rekreacionno-geomorfologicheskie sistemy* [Recreation-geomorphological systems]. Moscow-Smolensk: Oikumena Publ. 2010, 330 p.
6. Vedenin Yu.A., Kuleshova M. E. Cultural landscape as a category of heritage. In *Kul'turnyj landshaft kak ob"ekt naslediya* [Cultural Landscape As an Object of Heritage], Yu. A. Vedenin, M. E. Kuleshova, Eds. St.-Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2004, pp. 13–36. (In Russ).
7. Vedenin Yu.A., Miroshnichenko N. N. Otsenka prirodnikh uslovii dlya organizatsii otdykha. *Izv. Akad. Nauk SSSR, Ser. Geogr.*, 1969, no. 4, pp. 51–60. (In Russ).
8. Vendina O. I. Moscow identity and the identity of Muscovites. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2012, no. 5, pp. 27–39. (In Russ).
9. *Geografiya turizma* [Geography of Tourism], A. Yu. Aleksandrova, Ed. Moscow: KNORUS Publ., 2009. 592 p.
10. Hettner A. *Die Einheit der Geographic in Wissenschaft und Unterricht*. Berlin, 1930.
11. Gladtsyn I. N. Approval of geography. Speech of students spokesman on annual meeting of Geographical Institute, January 30, 1922. *Geogr. Vestn.*, 1922, no. 1, 18 p. (In Russ.).
12. Golubchikov Yu. N. *Teoreticheskie osnovy turisticheskoi geografii* [Theoretical Basis of Touristic Geography]. Moscow: Izdatel'skii servis Publ., 2017. 192 p.

29. Kotlyakov V.M., Komarova A.I. *Turizm: priroda – kul'tura – puteshestviya. Pyat'yazychnyi slovar'* [Tourism: Nature – Culture – Travel. 5-Lingual Dictionary]. Moscow: Kodeks Publ., 2013. 672 p.
30. Kotlyakov V.M., Tishkov A.A. Strategy of sustainable development of Russia in the early 21st century: Innovative vectors and the place of geographical forecast. *Innovatsii*, 2009, no. 9, pp. 74–81. (In Russ).
31. Kropotkin P.A. *Khleb i volya* [Bread and Will]. Moscow: Nauka Publ. 1990, 642 p.
32. Kuleshova M.E. Factors of cultural and landscape differentiation of territory: natural frame and its ecological functions. In: *Kul'turnyy landshaft kak ob'ekt naslediya* [Cultural Landscape As an Object of Heritage]. Yu.A. Vedenin, M.E. Kuleshova, Eds. Moscow-St.-Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2004, pp. 82–104. (In Russ).
33. *Kul'turnyi landshaft kak ob'ekt naslediya* [Cultural Landscape As an Object of Heritage], Yu.A. Vedenin, M.E. Kuleshova, Eds. Moscow-St.-Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2004. 618 p.
34. Lavrov S.B. Geopolitics and regionalism: view of a scientists. In: *Geopoliticheskie i geoeconomicheskie problem Rossii* [Geopolitical and Geoeconomic Problems of Russia]. St.-Petersburg: RGO Publ., 1995, pp. 3–10. (In Russ).
35. Myagkov S.M. *Social'naya ekologiya. Etno-kul'turnye osnovy ustoichivogo razvitiya* [Social ecology. Ethno-cultural basis for sustainable development]. Moscow: NIPI of City Ecology Publ., 2001. 190 p.
36. Nikolaenko D.V. *Rekreatsionnaya geografiya* [Recreational Geography]. Moscow: Gumanit. izd. centr VLA-DOS Publ., 2001. 288 p.
37. Preobrazhenskiy V.S. Geography of existence and geographical science. *Izv. Akad. Nauk SSSR, Ser. Geogr.*, 1993, no. 3, pp. 40–54. (In Russ).
38. Preobrazhenskiy V.S. Geography of existence. *Geografiya. Prilozhenie k gazete «Pervoe sentyabrya»*, 1997, no. 25.
39. Preobrazhenskiy V.S. Actual problems of landscape science on the eve of the centuries. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 1998, no. 3, pp. 14–19. (In Russ).
40. Preobrazhenskiy V.S., Vedenin Yu.A. *Geografiya i otdyk: Izuchenie organizatsii i planirovaniya zon otdykha* [Geography and Recreation: A Study of the Organization and Planning of Recreational Areas]. Moscow: Znanie Publ., 1971. 48 p.
41. Ragulina M.V. *Kul'turnaya geografiya: teorii, metody, regional'nyj sintez* [Cultural Geography: Theory, Methods, Regional Synthesis]. Irkutsk: Institute of Geography SBO RAS, 2004, 173 p.
42. Ragulina M.V. On the synthesis of humanitarian and natural approaches in the study of the cultural landscape. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2014, no. 1, pp. 7–13. (In Russ).
43. Rodoman B.B. Geographical Problems of Recreation and Tourism. In *Territorial'nye sistemy proizvoditel'nykh sil* [Territorial Systems of productive Forces]. Moscow: Mysl' Publ., 1971, pp. 311–342. (In Russ).
44. Smirnyagin L.V. Methodological approaches to regionalization in human geography. *Vestn. Mos. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2011, no. 6, pp. 13–19. (In Russ).
45. Sobolev N.A. *Ekologicheskii karkas Rossii. Indikativnaya skhema* [Ecological Network of Russia. Indicative Scheme], A.A. Tishkov, Ed. Moscow: Institute of Geography RAS, RGO Publ., 2015. 16 p.
46. Sokolova A.A. The Volga-Baltic waterway on Google Earth: A virtual space and visualized reality. *Izv. Gersten State Univ.*, 2011, no. 141, pp. 148–160. (In Russ).
47. Streletsky V.N. Cultural geography in Russia: Main peculiarities of formation and directions of contemporary development. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2008, no. 5, pp. 21–33. (In Russ).
48. Streletskiy V.N. Cultural geography in Western countries and Russia: Ways of development and modern identity]. In *Teoriya social'no-ekonomicheskoi geografii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Mat. mezhd. nauch. konf.*, Rostov-on-Don, May 8, 2010 [Theory of Social Geography: Modern State and Development Prospects]. 2010, pp. 257–265. (In Russ).
49. *Teoreticheskie osnovy rekreatsionnoi geografii* [Theoretical Basis of Recreational Geography]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 245 p.
50. Toffler E. *The Third Wave*. Bantam Books, 1980.
51. Barlow J.P. A Cyberspace Independence Declaration, 1996. URL: http://w2.eff.org/Censorship/Internet_censorship_bills/barlow_0296.declaratio
52. Cohen E., Cohen S.A. Current sociological theories and issues in tourism. *An. Tourism Res.*, 2012, no. 39 (4), pp. 2177–2202.
53. Conrad C., Hilchey K. A review of citizen science and community-based environmental monitoring: Issues and opportunities. *Environmental Monitoring and Assessment*, 2011, no. 176, pp. 273–291.
54. *Citizen Science: Public Participation in Environmental Research*, Dickinson J., Bonney R., Eds. Ithaca, NY: Comstock. 2012, vol. XVIII. 279 p.
55. Galloway A.R. *Protocol: How Control Exists after Decentralization*. Cambridge MA: MIT Press, 2004. 260 p.
56. Gerlach J. Vernacular Mapping and the Ethics of What Comes Next. *Cartographica*, 2010, no. 45, pp. 165–168.
57. Gerlach J. Lines, contours and legends: Coordinates for vernacular mapping. *Progress in Human Geography*, 2014, vol. 38(1), pp. 22–39.
58. Goodchild M.F. Citizens as sensors: The world of volunteered geography. *GeoJournal*, 2007, no. 69 (4), pp. 211–221.
59. Haklay M. Citizen Science and Volunteered Geographic Information: Overview and Typology of Participation. In *Crowdsourcing Geographic Knowledge Volunteered Geographic Information (VGI) in Theory and Practice* Sui D., Elwood S. Goodchild M., Eds. Springer, 2013, pp. 105–122.
60. Hall C.M., Page S.J. Progress in Tourism Management: From the Geography of Tourism to Geographies of Tourism. A review *Tourism Management*, 2009, vol. 30 (1), pp. 3–16.

61. Hannam K. Tourism geographies, tourist studies and the turn towards mobilities. *Geography Compass*, 2008, no. 2 (1), pp.127–139.
62. Holmgren D. *Permaculture. Principles and Pathways Beyond Sustainability*. Hampshire: Permanent Publications, 2002. URL: <http://library.uniteddiversity.coop/Permaculture/Permaculture-Principles and Pathways Beyond Sustainability.pdf>.
63. Shaller M., Urry J. The new mobilities paradigm. *Environment and Planning*, 2006. A 38, pp. 207–226.
64. Sui D., Elwood S., Goodchild M. *Crowdsourcing Geographical Knowledge: Volunteered Geographic Information in Theory and Practice*. Berlin: Springer. 2013. 396 p.
65. Warf B., Arias S. Introduction: The reinsertion of space into the social sciences and humanities, Warf B. and Arias S., Eds. *The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives*. Abingdon: Routledge, 2009, pp. 1–10.
66. Williams S. *Tourism Geography: A New Synthesis*. London and New York, 2009. 310 p.